

Журнал "Искатель"

№ 01,1970

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ж92

Ж92 Журнал "Искатель": № 01,1970 / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 164 с.

ISBN 978-5-458-66611-4

«Искатель» — советский, затем российский журнал, публикующий фантастические, приключенческие и детективные произведения, научно-популярные очерки, а также художественную и учебно-развивающую литературу для детей от 2 до 14 лет. Основан в 1961 году, в год столетнего юбилея журнала «Вокруг света», как литературное приложение к последнему. Был анонсирован в 1960 году, в ноябре 1960 года должен был выйти первый номер, который был отменен. В первом вышедшем номере журнала были опубликованы напутственные статьи Михаила Шолохова и Ивана Ефремова. До 1997 года выходил шесть раз в год, затем стал ежемесячным. С 1996 года — независимое издание.

ISBN 978-5-458-66611-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Не знаю, господа, не знаю... Говорят, впереди не то поезд сошел с рельсов, не то два встречных состава столкнулись...

Бломберг присвистнул и соскочил на пол.

— Читайте, что родились в рубашке, — сказал инженер-майор побледневшему обер-лейтенанту.

Бломберг окончательно успокоился. Этот фронтовик-гестаповец был испуган еще больше, чем он, никогда не бывавший на передовой.

— Неужели и здесь партизаны? — силясь улыбнуться, проговорил обер-лейтенант, суетливо застегнул кобуру пистолета и вопросительно взглянул на Бломберга.

— Судя по вашему далеко не героическому виду, обер-лейтенант, вам уже доводилось иметь с ними дело, — пуская в потолок кольца дыма, усмехнувшись, ответил Бломберг.

— Прошу прощения, господин майор, но ваше удивительное хладнокровие наводит меня на мысль: а сталкивались ли вы вообще с этими бандитами? — съязвил обер-лейтенант, оправившись от пережитого волнения.

— Нет. А что, разве это не забавно? — все больше подтрунивая над Эйхенау, ответил Бломберг.

Ему доставляло удовольствие отплатить этим гестаповцу, всю дорогу докучавшему Бломбергу бесконечными хвастливыми рассказами о своих фронтовых «подвигах».

— Любопытство таких, как вы, новичков, партизаны в России охотно удовлетворяют пулями, минами, кинжалами... — раздраженно ответил Эйхенау.

— О, в таком случае я предпочитаю с ними не встречаться! — Бломберг заметил, как у обер-лейтенанта задергалась в нервном тике щека. Но гестаповец, видно, сдержался.

Поезд заметно сбавлял ход. Тоненько звенели стаканы в деревянных лунках стенного ящика, где стоял графин с водой. Офицеры стали торопливо запихивать в портфели и саквояжи все, что было разбросано по купе.

Чемоданы гестаповца, упакованные еще в России, были набиты «трофеями», завоеванными отнюдь не на поле боя. В них лежали беличья шубка, черно-бурая лиса — подарки жене и матери — и целые комплекты каракулевых шкур. Их он вез отцу — владельцу крупных меховых магазинов в Вене и Зальцбурге.

В коридоре раздался топот сапог, послышалась громкая перебранка, кто-то спорил, протискиваясь с тяжелой поклажей к выходу из вагона. Поезд остановился.

Бломберг и Эйхенау прыгнули со ступенек. То тут, то там вдоль состава вспыхивали огоньки карманных фонариков: станционные служащие вели за собой к автобусам группы пассажиров.

Холодный предрассветный туман вызывал зябкую дрожь, словно паром заволакивало стекла очков. Бломбергу пришлось несколько раз останавливаться и протирать их.

Наконец показались автобусы. Их моторы приглушенно рокотали, наполняя воздух отработанным газом. Эйхенау поспешно вынул платок и приложил его к лицу. Противная мелкая дрожь рябью пробегала по спине гестаповца. Платок, обильно смоченный терпкими духами, перебил запах выхлопных газов, но Эйхе-

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

нау не смог прогнать воспоминаний, вызванных угарным запахом. Они внезапно перенесли обер-лейтенанта в крымскую степь, к осыпавшимся краям противотанкового рва, где Эйхенау стоял, сжимая в руке холодную сталь пистолета...

...Это было на окраине Керчи. Обер-лейтенант обычно садился в кабину «душегубки» еще до того, как последний заключенный был заперт в кузове машины. Он не любил наблюдать, как люди, предчувствуя приближение казни, в отчаянии и ярости

бросались на солдат зондер-команды, загонявших обреченных прикладами в раскрытую дверь «душегубки».

Эйхенау оставалось лишь пристреливать полузадушенных узников после экзекуции. Делал он это автоматически, не испытывая ни особой злобы, ни жестокой ненависти к жертвам. Ему было только смертельно скучно.

Но однажды обер-лейтенант наткнулся на листовку, сброшенную с самолета. Эйхенау прочитал ее; и ему показалось, будто он ознакомился с приговором русского трибунала, где окончательная черта подводилась и под его собственной судьбой.

Эйхенау остерегся показать листовку офицерам-сослуживцам: его могли заподозрить в «пораженческих настроениях». Гитлеровцы еще не пришли в себя от шока, вызванного сталинградским разгромом 6-й армии фельдмаршала Паулюса. Но с того дня Эйхенау начал лихорадочно искать выхода из петли, которая неотвратимо затягивалась вокруг зондер-команды с каждым километром отступления гитлеровских войск.

О сдаче в плен для Эйхенау не могло быть и речи. Он достаточно ревностно выполнял свои обязанности палача, и командир зондер-команды представил Эйхенау к Железному кресту первой степени! Оставалось одно: любым способом вырваться из прифронтовой полосы, зарыться в глубоком тылу рейха, подалее от русских, поближе к Западу.

Эйхенау стал подолгу вылеживать в лазарете (помог запущенный гастрит). Натянув на голову одеяло, Эйхенау с дрожью вспоминал, как во время массовых экзекуций он стрелял в лежащих на дне противотанкового рва раздетых узников. Нет, он не раскаивался, его просто душил страх возмездия. Врач полевого госпиталя, регулярно получавший взятки от обер-лейтенанта, наконец предписал ему длительное лечение на одном из австрийских курортов. Несколько сот марок пришлось «проиграть» в «скат» командиру зондер-команды — и Эйхенау получил долгосрочный отпуск.

* * *

— Обер-лейтенант, вы что, заснули?

Эйхенау вздрогнул, словно очнулся от обморока. Неуверенными шагами подошел к автобусу. Шоферы уже закончили погрузку багажа и ждали, когда все пассажиры сядут в машины.

— Быстрее! Не ночевать же нам в этой дыре, — недовольно заторопил Бломберг.

В голове колонны автобусов взревел мотор патрульного мотоцикла с автоматчиками.

— Аллес ин орднунг? * — обернувшись к пассажирам, спросил шофер и мягко тронул с места автобус.

За окнами промелькнули пристанционные постройки, и автобус, набирая скорость, помчался по шоссе. После нескольких крутых поворотов шоссе близко подошло к железной дороге. Крутой насыпью она возвышалась над местностью. Все в автобусе прильнули к стеклам.

Две мощные прожекторные установки освещали место ката-

* Аллес ин орднунг? — Все в порядке? (нем.).

строфы или диверсии — этого еще никто не знал, — выхватывали из темноты силуэты людей, копошившихся в хаосе опрокинутых вагонов, и длинные цепи солдат.

Над перевернутыми, искореженными вагонами и платформами вспыхивали огненные фонтанчики. Сварщики автогеном разламывали груды сплюснутого железа, сцепившиеся, перевернутые вагоны, с дьявольской силой переплетенные рельсы...

Лишь несколько минут панорама катастрофы оставалась в поле зрения Бломберга. Но он успел заметить силуэты каких-то огромных фигур, застывших в причудливых позах. Они выплывали, раскачиваясь, из чрева большого вагона, лежавшего на боку, медленно поднимались над насыпью и исчезали за высокими бортами мощных грузовиков. На секунду луч прожектора вырвал из серой мглы стальные тросы железнодорожного крана, подцепившего крюком бронзового коня. Крылатое изваяние вздыбилось к небу копыта, будто в отчаянном прыжке пыталось вырваться из обломков.

Бломберг успел заметить еще одну скульптурную фигуру. Она попала в сноп прожекторных лучей и четким светящимся контуром вырисовывалась на черном, словно залитом тушью, ночном небе.

«Ба, да ведь это же Франц-Иосиф, последний австрийский император!» — мысленно воскликнул инженер-майор. И тут же с тревогой подумал, не с этим ли составом шел и его груз «стратегического сырья» — целая коллекция бронзовых скульптур, собранная представителем концерна «Герман Геринг» в оккупированных городах России и отправленная для переплавки на металлургические заводы рейха.

— Очень похоже на диверсию, — прервал молчание Эйхенау. — Вы обратили внимание, — повернулся обер-лейтенант к Бломбергу, — под откос свалилась лишь хвостовая часть поезда. Как будто состав разорвали пополам. Локомотив же и несколько головных вагонов прокатились вперед.

— Возможно, — сумрачно ответил Бломберг.

Инженера все больше беспокоила судьба его многотонного груза. Еще в Харькове ему вручили телеграмму-«молнию» из Линца. Дирекция концерна требовала срочно ускорить отправку «стратегического сырья» в Остмарк: заводы Геринга выполняли экстренные военные заказы гитлеровской ставки и остро нуждались в дефицитном сырье.

В Харькове один из знакомых генералов, акционер концерна «Герман Геринг» под строжайшим секретом рассказал Бломбергу о скором «решающем наступлении» немецких армий на Курской дуге. И Бломберг отлично понимал, какую важную роль в подготовке этого «реванша за Сталинград» играют заводы концерна в Австрии, поставлявшие броню для тысяч немецких танков и сырье для военных, в том числе и авиационных, фирм всего рейха. Любая задержка с поставками дефицитного стратегического сырья сказывалась на сроках выполнения военных заказов — следовательно, и на эффективности будущего наступления.

Инженер-майор машинально потрогал карман своего мундира. Пальцы нащупали толстый пакет. Среди служебных документов — телеграмм и писем, полученных Бломбергом от директора концерна и Восточного штаба рейхсмаршала, в пакете

хранилась и железнодорожная квитанция с точным перечнем всех бронзовых скульптур, собранных для переплавки.

Этот список Бломберг знал наизусть. Бронзовые фигуры еще совсем недавно украшали фонтаны и музеи, исторические памятники и площади русских городов, тенистые аллеи парков и заповедные места этой огромной и загадочной страны. Бломбергу, ценившему красоту и хорошо разбиравшемуся в искусстве, приходили странные мысли. Почему русские большевики, эти «сибирские варвары», как их называла пропаганда Геббельса, бережно сохраняли художественное наследие прошлых времен? Неужели им доступны эстетические чувства цивилизованного мира?

Заноса в блокнот вес бронзовых изваяний, Бломберг испытывал смешанное чувство. Он понимал, что эти памятники величественного прошлого большевистской России, ее громких побед будут переплавлены на заводах рейха, станут деталями немецкого оружия, вложенного рейхом и фюрером в руки немецких солдат, которые завоевывают Россию и весь мир. Но мысль о том, что уничтожаются произведения искусства, ценности истории и культуры, все больше тревожила инженера. Раньше она пульсировала в голове Бломберга чуть слышно, загнанная куда-то вглубь громкими фразами о «долге немецкого офицера», «безоговорочном подчинении приказам». Теперь же она заставляла серьезно задумываться над происходящим.

— Поразительна наглость этих бандитов, — снова заговорил Эйхенау. — Для меня остаются до сих пор загадкой духовные мотивы, которые побуждают русских партизан идти на нечеловеческие лишения, полудикарское существование в лесных берлогах, среди болот. Фюрер прав: их презрение к смерти — продукт азиатской отсталости. Фанатизм в боях — признак расовой неполноценности. С точки зрения цивилизованного человека поступки русских просто необъяснимы.

— Чем же вы, обер-лейтенант, объясните тогда диверсии и нападения на солдат и офицеров вермахта, совершаемые в оккупированных нами странах Западной Европы? — спросил Бломберг.

— Фюрер уже дал ответ на ваш вопрос, господин майор. Марксизм — вот главный враг рейха. Для русских безбожников он стал религией, идолопоклонством, священным алтарем, где они со скифским равнодушием приносят в жертву собственные жизни.

— Выходит, большевистская зараза успела проникнуть и сюда, в Альпы, — иронически заметил Бломберг.

— До тех пор, пока не уничтожим последнего русского, украинца, белоруса, казаха, грузина — всех до последнего большевика, мы не можем считать оконченной нашу священную миссию. Так учит наш фюрер, — с нескрываемой злобой и ожесточением проговорил гестаовец, зябко кутаясь в длиннополую шинель.

— Просто истребить — этого еще мало, — неожиданно произнес сидевший рядом с Бломбергом грузный мужчина в форме партийного чиновника оккупационного аппарата генерал-губернаторства. — Главное — убить в русском человеке большевизм, искоренить марксистскую идею!

— Вы знаете, господа, что меня больше всего поразило в России? — снова заговорил Бломберг. — Кстати, случай, свидетелем которого я был, быть может, даст вам ответ и на загадочность «русской души»...

Надрывно гудел мотор, с трудом вытягивая перегруженный автобус на вершину холма. Небо быстро светлело. Шофер выключил фары, и сразу стала видна пыльная полоса дороги.

Бломберг закурил, откинулся на спинку сиденья и начал свой рассказ:

— Одно время я был прикомандирован к специальному отряду, подчиненному Восточному штабу рейхсмаршала Геринга. Следом за наступавшими войсками мы вошли в Харьков. Обосновался я в штабе знакомого генерала, командира дивизии Ферча. Не успел я побриться, как адъютант генерала предложил съездить на окраину города, где подавлялись последние очаги сопротивления русских. В котельной одного из домов наши солдаты после жестокой перестрелки с какой-то отставшей группой русских захватили большой и тяжелый ящик. Вскрывать его не рискнули, получив срочный приказ дожидаться офицера из Восточного штаба. Я не помню уже сейчас названия той улицы, но словно перед глазами вижу проломленную орудийным снарядом кирпичную стену котельной и с десятков трупов наших солдат, лежавших там, где их скосили русские пули. Отстреливались русские, засевшие в котельной, отчаянно. Потом мы обнаружили на трупах русских солдат — их было шестеро — по несколько пулевых ранений. Но не удивительная стойкость Ивана поразила моих солдат. Вы бы видели их недоуменные глаза, когда я приказал взломать ящик и оттуда был извлечен... бронзовый бюст! Один унтер-офицер признался мне откровенно: его солдаты были уверены, что в ящике — его русские солдаты сняли с подбитой грузовой машины и унесли в котельную — были спрятаны ценности, может быть, золото. И чем ожесточеннее становился ответный огонь русских, тем больше крепла надежда наших солдат захватить богатую добычу. Этот унтер-офицер был, право, искренен в своем недоумении, господа. Согласитесь, ну кто бы без материальной выгоды стал сражаться за какой-то ящик, обрекая себя на гибель?

— Так что же это была за скульптура? — нетерпеливо перебил майора Эйхенау.

— Бюст Ленина!

Имя, произнесенное немецким офицером, прозвучало словно взорвавшаяся граната. Все в автобусе повернули головы к инженер-майору, удивленно и враждебно разглядывая Бломберга.

— Оказывается, солдаты фюрера проливали свою кровь, добывая бюст большевистского вождя, — бросил язвительную реплику в спину Бломберга сидевший сзади офицер. — Опасный трофей...

Майора не на шутку испугала реакция, с которой был встречен его рассказ. Его явно заподозрили в тайном преклонении перед мужеством и стойкостью русских! А это уже пахло «политической неблагонадежностью»... Ведь его еще в штабе Ферча предупреждали: об эпизоде захвата бюста Ленина лучше помалкивать...

— Господа, — громко заговорил майор, — помимо уничто-

жения русских фанатиков-большевиков, наши храбрые ландзеры * захватили несколько десятков килограммов дефицитного стратегического сырья! И сейчас бюст Ленина отправлен на переплавку в рейх! Символично, господа: цель нашего восточного похода не только истребление и покорение народов, населяющих пространство России, но и полное и окончательное ниспровержение марксистской, большевистской идеологии!

И все же Бломберг не был уверен, что трескучими фразами из фашистских газет ему удалось сгладить впечатление, вызванное неосторожными словами. Никто с ним больше не заговаривал. Эйхенау уткнул свой длинный, хрящеватый нос в поднятый воротник шинели и угрюмо молчал. Сосед справа, тучный партийный бонза, громко чавкал, поглощая огромный бутерброд с ветчиной. За спиной майора раздавалось неприятное покашливание.

Бломберг попытался думать о предстоящем отчете коммерческому директору концерна. Мысли майора вошли было в привычное русло цифр. Но тут он снова вспомнил о своем рассказе. Он допустил оплошность: здесь не место для откровенных высказываний. Кто знает, чем обернется для него эта, быть может, непоправимая ошибка?..

ЦЕНА РИСКА

Осталось проскочить самый опасный участок. Старый, залапанный, выдавший виды автофургон мчался с огромной скоростью. Днем бешеная скорость грузовика, обычно медленно и натруженно, словно ломовая лошадь, развозившего по домам Вены мешки с углем, вязанки мелко наколотых дров и торфяные брикеты, сразу же вызвала бы подозрения полиции. Но сейчас его борта и брезентовый верх, пропитанные угольной пылью, скрывала ночь, и водитель изо всех сил жал на педаль акселератора. Рядом с ним сидел молодой парень в форме железнодорожника.

В кузове грузовика, крытого брезентовым навесом, навалом лежали угольные мешки, брикеты и плетеные с заплечными ремнями корзины, которые угольщики взваливают на спину, разнося свою тяжелую ношу. В глубине кузова, скорчившись, сидели два человека. Их потертые комбинезоны и куртки ничем не отличались от рабочих костюмов трубочистов, хотя они и не были «черными верхолазами», как иногда называют в Вене людей этой профессии. Рядом с ними лежали автоматы, прикрытые рогожей.

Основная группа подпольщиков, совершивших нападение на товарный состав, разделилась и отходила на партизанскую базу, в глубь Штирийских Альп. Эти двое направлялись в горняцкий поселок Грюнбах.

Доставить в Грюнбах после завершения диверсии руководителя шахтерского подполья, немецкого коммуниста Альберта Крафта, и его товарища, молодого забойщика Роберта Дубовского, было поручено боевой группе подпольщиков с венского Восточ-

* Л а н д з е р — пехотинец (нем.). Так геббельсовская пропаганда называла гитлеровских солдат.

ного вокзала. Возглавлял ее опытный боец-коммунист Шуман. Он был тяжело ранен, и партизаны унесли его в горы. Теперь от находчивости и хладнокровия его двух юных боевых друзей — сцепщика вагонов Конрада Майера и шофера Гюнтера Корха — во многом зависело, удастся ли подпольщикам прорваться в поселок...

От разъезда, где ночью была совершена диверсия, на юг, в сторону невысоких предгорий Альп, отходила железнодорожная ветка. Рядом тянулось асфальтовое шоссе. Километров через тридцать обе дороги упирались в ворота высокого забора с колючей проволокой наверху. Он опоясывал территорию шахты, где работали австрийские горняки и «восточные рабочие», пригнанные из соседнего концентрационного лагеря, филиала Маутхаузена, «Грюнэхюгель».

* * *

Альберт Крафт пришел в шахту перед самой войной, летом 1939 года. В конторе он предъявил направление на работу, выданное венской биржей труда. Администрация остро нуждалась в опытных проходчиках; много кадровых шахтеров было направлено в казармы вермахта, дирекция же концерна «Герман Геринг», владевшего одной из многочисленных в Австрии каменноугольных шахт, требовала резко повысить добычу дефицитного топлива. Концерн полным ходом работал на войну. Уголь был крайне нужен для металлургических заводов в Линце и Бриглице.

Подписи и печати на биржевой карточке Крафта оказались в полном порядке, и нового шахтера дирекция поставила в забой.

Среднего роста, коренастый, широкий в плечах, Крафт всем своим видом свидетельствовал, что он потомственный горняк. Да так оно и было. Еще прадеды Крафтов выковыривали из угольных ям «горящий камень», удивляя всех недюжинной силой, выносливостью и сноровкой. Должно быть, с тех пор и прозвали их «крафтами» — «силачами».

Свой нелегкий трудовой путь юный Альберт начал в шахтах черного Рура, куда по совету отца он отправился «выходить в люди». Трудные это были годы. В Германии свирепствовала безработица. Горняцкие руки мало кому были нужны. Кризис двадцать девятого года жестоко ударил по всем капиталистическим странам. И все же у горняка было больше шансов подыскать работу в Руре, чем у себя дома, в Тюрингии. Не знал тогда Альберт, что навсегда прощается с отцом, матерью, сестрой. Жизненные пути-дороги повели молодого рабочего совсем другим маршрутом, чем думалось и ему и его отцу.

...Шел 1932 год. На улицах германских городов бушевали водовороты острых классовых битв. Фашизм яростно атаковал. Факельными шествиями, бандитскими налетами штурмовиков на рабочие митинги присягали нацисты на верность рурским магнатам, пушечным королям, генералам рейхсвера.

...В первых шеренгах рабочих дружин, сжимая кулак в пролетарском салюте «Рот Фронт!», смело шагал молодой коммунист Альберт Крафт.

В часы глубоких раздумий над смыслом жизни, над ее главной целью Крафт определил и «свою генеральную линию».

«Я буду жить и бороться по-ленински», — сказал он шахтерам-коммунистам Рура, принимавшим его в свою боевую партийную ячейку.

* * *

Рядом с Крафтом восемнадцатилетний Роберт Дубовский казался молодым, тонким тополем, поднявшимся возле могучего и крепкого дуба. Никто в шахте не удивлялся той сердечной привязанности и настоящей мужской дружбе, которая зародилась с первого же дня работы Крафта под землей между этими двумя людьми, столь разными по возрасту и характеру.

...На глазах Роберта новый забойщик первым ринулся в черный зев дальнего штрека, где обвальным эхом прогремел взрыв. Должно быть, где-то в глубине забоя от искры воспламенился скопившийся рудный газ: дирекция шахты жестоко экономила на средствах безопасности, и подземная вентиляция часто выходила из строя.

Часть смены бросилась к центральному стволу шахты, к подъемнику. Панические крики: «Спасайтесь!», «Метан!» — ворвались тогда в сознание Роберта вместе с обжегшей его мозг страшной мыслью: «Там же отец...»

Вслед за Крафтом к месту катастрофы устремились и двое «восточных рабочих» — москвич Иван Лемезов и донецкий шахтер Петр Уманец. Оба они входили в подпольную лагерную антифашистскую организацию, и через них Крафт поддерживал связь с товарищами из подпольного лагерного штаба. Иван и Петр в смене Крафта были заняты на ручной откатке вагонеток и погрузке угля.

Мастер, являвшийся одновременно и надсмотрщиком за «восточными рабочими», сбежал к подъемнику в числе первых подавшихся страху шахтеров.

Роберт рванулся было вслед за Крафтом к месту катастрофы, но его схватили за руки шахтеры.

Угроза обвала по пятам преследовала смельчаков, бросившихся на выручку товарищей.

Те несколько томительных минут, пока из штрека, где произошла катастрофа, не вернулись Крафт и двое русских, показались Роберту вечностью. Они несли, сгибаясь под низкими сводами забоя, чье-то безжизненное тело. Предчувствие беды резануло сердце Роберта.

Отца Роберта положили возле кучи нарубленного угля. Крафт опустился на колени и приподнял голову Дубовского. Один из шахтеров поднес к лицу Дубовского переносную лампу. Роберт с ужасом увидел, как струйка крови стекала с угла рта отца. Крафт расстегнул его куртку и приложил ухо к груди.

Когда он встал и снял с головы защитную каску, у Роберта затряслись плечи.

В тот же вечер Крафт пришел к ним домой. Он сел за столом на то же место, где всегда сидел отец. Роберт посмотрел на руки Крафта. Они были обвиты такими же синими, вздувшимися венами, как у отца. Только голос Крафта показался Роберту резче и суше.